

ГОСУДАРСТВЕННИК

Долго не мог найти слово, которое бы обобщало жизнь и деятельность академика Валентина Афанасьевича Коптюга. В наступающем июне ему исполнилось бы 80 лет, не умри он столь безвременно в 65. Нужное слово подсказало одно событие. Но не дома, в Новосибирске, а в Москве, где довелось недавно побывать на поминках одного очень близкого и родного мне человека.

Сердечное участие в поминках и похоронах приняла весьма почтенная и эрудированная публика: доктора наук, адмиралы и генералы, капитаны с разных флотов, другие товарищи и друзья без особых заслуг и званий, но искренне горящие о человеке, который ушёл из жизни.

Так вот, они, характеризуя заслуги и дела умершего, чаще всего говорили о том, что он был государственным. То есть интересы страны ему всегда были куда важнее, чем свои собственные.

Государственным был и Валентин Афанасьевич. С той лишь разницей, что масштаб интересов этих людей был, конечно, разный.



Семнадцать лет академик Коптюг руководил Сибирским отделением РАН. Почти столько же, сколько и Михаил Алексеевич Лаврентьев. Но с одной принципиальной разницей. Лаврентьев начинал своё великое дело по

преобразованию Сибири с помощью науки при полной поддержке государства, а Коптюг продолжал его дело при сопротивлении и небрежении полломанного государства к науке в Сибири.

Вникать в эту горькую «разницу» не буду. Ученые расскажут о ней лучше. Своей задачей считаю другое: показать Валентина Афанасьевича как человека при наших коротких и, естественно, редких встречах. Меня он словно притягивал. Сначала как гуманитария. Было понятно всё, о чем бы он ни говорил, что в науке далеко не всегда встречается. Я выслушал множество его докладов и выступлений. Они позволяли нормально и внятно рассказать о них в газете.

Кроме того, в нем был шарм — и внешний, и внутренний. Он мгновенно и точно откликался на юмор. Его интеллигентность едва ли совпадала с некоторыми оценками, когда о нем вспоминали. Мы были с ним почти одного возраста и одной, в чём-то похожей, биографии. К примеру, у нас отцы были репрессированы. (А у меня ещё и мать). Помня об этом, биографы Коптюга обязательно уточняют, что он от репрессий «не озлобился». Да, Коптюг, считаю, и не мог озлобиться ни по характеру своему, ни по убеждениям, ни по своей культуре. В том числе, и на это рассчитывал сталинизм, совершая свои преступления и проводя отбор кадров по анкетным и национальным данным. Мол, наш народ всё стерпит.

С благодарностью вспоминаю, что Валентин Афанасьевич всегда поддерживал «Советскую Сибирь», в которой мне довелось работать десятилетиями. Напомню только, что из разворотов газеты «Наука: сибирский вариант» родились две академические и давно разошедшиеся книги «Предназначение» и «Преемственность». Не исключено, что появится и третья книга, хотя автор сейчас и отдалился от интересов науки.

Пользуясь доброжелательством и поддержкой Валентина Афанасьевича, я как-то вверх академика Коптюга в одно судебное дело (каюсь до сих пор). Оно было связано с институтом, о котором сейчас даже памяти не осталось. Но не с академическим институтом, а отраслевым, однако расположенным в Академгородке.

Из него в редакцию постоянно поступали жалобы и другие тревожные сигналы. Меня вызвал редактор Алексей Григорьевич Жаринов и сказал:

— Займись, пожалуйста, этим делом.

Помню, что стал отказываться. Я был тогда заместителем Жаринова, а у нас работал журналист с юридическим образованием. Да и память не позволяла забыть одну поучительную статистику. Не забывал, что в советское время после моих критических публикаций семнадцать человек (в основном, руководители разного ранга) либо были уволены с работы, либо уволились сами. А когда СССР развалился, то никакая критика словно ни на кого не производила впечатления. Или всё заканчивалось то судебным процессом, то

такой длительной тягомотиной, в которой понапрасну сгорали драгоценные газетные часы и дни.

Но редактор у нас был хороший, мы работали с ним дружно, а скорее дружески, и я сдался, поехал разбираться в этот забытый ныне институт, в котором меня сразу поразила одна особенность. Все хотели журналиста отвести куда-то в угол и нашептать ему нечто неприятное про остальных сотрудников. Впечатление складывалось такое: здесь не любят друг друга, и сотрудники разбились на разные группы. Ни в одном академическом институте за долгие годы работы ничего подобного не встречал, хотя и в них ничего не идеализировал.

Дня через три я положил на стол редактору разгромную статью по этому институту. Он её подписал и прозорливо заметил:

— Мы ещё хлебнем от этого гадючника. Тем более, что в нем директор не наш. Какой-то варяг, присланный министерством.

Так и оказалось: директор этого института подал на редакцию в суд и предъявил нам штрафные санкции на миллионы рублей за моральный ущерб и чуть ли не за клевету.

Я, защищаясь, отсидел одно судебное заседание, другое... и поклялся самому себе, что ни единого рубля редакция, в которой никогда не было денежного избытка, этому варягу-директору не заплатит. Так и случилось. Но лишь после встречи с Валентином Афанасьевичем.

... Мне был назначен приём на вечер. Он был дождливый и серый. Рабочий день заканчивался, но в приёмной было полно народу.

— Ну, — подумал, — придётся всех переждать. Академиков и аппаратчиков Валентин Афанасьевич примет раньше.

Но нет! Дверь приоткрылась, и я услышал:

— Ольга Денисовна! Пусть Ролен Константинович заходит...

Я заторопился в кабинет, заметив, что ожидающие смотрят на журналиста как на врага народа.

В кабинете Коптюга стоял такой дым, словно здесь испытывали свою продукцию две табачные фабрики. Стол председателя СО РАН был завален бумагами. Впрочем, не только стол. На полу у каждой ножки стола тоже высились какие-то бумаги и книги.

— Сейчас мы создадим с вами, — сказал Валентин Афанасьевич, — рабочую обстановку и примемся за ваш судебный процесс.

Коптюг встал, плавно, как бы разгоняя синий сигаретный дым в кабинете, провел ладонью по дымному воздуху и заключил:

— Ну, вот. Теперь можно работать. А Ольга Денисовна принесет нам чай.

Ольга Денисовна принесла ещё и коньяк. Я давно свято соблюдал на работе одно правило: ни с кем не пить. Но было пять исключений. Одно назову: это Коптюг. За все годы работы я выпил с ним две рюмки коньяка. Одну как раз тогда, когда он разбирал мое судебное дело. А разбирал он его с удивляющей меня дотошностью и знанием юридических деталей.

Я не выдержал и заметил:

— Мне кажется, что вы по образованию не химик, а юрист.

— Химик я уже в прошлом, — улыбнулся Валентин Афанасьевич. — А юрист... Ты не удивляйся. Сейчас сутяжное время. Сибирское отделение тоже судится. Надо уметь защищаться, появилось много охотников что-то у нас урвать. А нынешние суды совесть не тревожит. Вот и в твоём суде так же. Но ты не волнуйся, с вас никаких миллионов никто не сдерет. По сути, ты написал правильно. А по форме немного наплутал, перегнул в оценках. Но воздействовать на этот институт и его директора можно.

Мы допили коньяк и попрощались с Валентином Афанасьевичем. Через три дня я узнал, что директор института, с которым редакция «бодалась» в суде, забрал своё заявление и отказался от всех претензий к «Советской Сибири».

Ещё раз вспоминал обо всем этом давнем деле, когда прилетел после московских поминок домой. А через день побывал в Академгородке. У Института цитологии и генетики подошел к памятнику Валентина Афанасьевича Коптюга.

Постоял, склонил голову и подумал, что честных государственников у нас всё меньше. Да и чему удивляться?! Как говорил про самого себя Коптюг, он живет в состоянии монотонно нарастающего напряжения.

Ролен Нотман

Фото В. Новикова

Источник:

Нотман Р. Государственник // [Наука в Сибири](#). – 2011. – N 23. – 8 июня. – С. 9.